

Война на живописных берегах

Наверное, тот, кто хотя бы один раз в летнее время побывал в районе деревень Рельбицы, Поляны, Казачий Лютец, никогда не забудет красоты этих мест. Плавные изгибы Шелони, покрытые разнотравьем высокие берега, тишина и аромат природы — все это привлекает сюда и дачников, и отдыхающих. Недаром здесь уже много лет проводятся смены оборонно-спортивного лагеря «Муромец».

Однако не всегда этот удивительный уголок нашего района был мирным и безмятежным. В годы войны и по нему оккупанты прошлись своим «кованым сапогом», здесь, как и в других местах, казнили жителей, заставляли их работать на новую власть.

Одна из жительниц деревни Рельбицы, 88-летняя Николаева Мария Ивановна, до сих пор отчетливо помнит многие эпизоды того страшного времени. Да и как их забыть, когда практически на глазах у молоденькой девушки гибли родные люди, а жить приходилось в наспах вырытых землянок, в условиях неизвестности, страха, лишений.

Деревни Кутузов Лютец, в которой родилась и выросла Мария Ивановна, уже давно нет. На топографической карте в месте, где располагалась деревня, можно обнаружить лишь короткое обозначение «бр» (братское захоронение). Находилась она на правом берегу Шелони, недалеко от своего «близнеца» — Казачьего Лютца, немного ближе в сторону Солецов.

— Родители мои работали в местном колхозе имени Чапаева, — рассказывает Мария Ивановна, — отец был хорошим кузнецом, жили небогато, но скотина была, имели свой дом. В семье воспитывалось шестеро детей, я — четвертая по счету.

В начале войны в Рельбицы и соседние деревни пришли не немцы, а финны. У каждого сбоку на ремне висел длинный нож. Финны отличались особой жестокостью. Видимо, мстили русским за недавнюю войну на территории их государства.

— Много их тогда понаехало, — продолжает пенсионерка, — по

дорогам между деревнями было не пройти, они выкопали на берегу окопы-укрепления, охраняли рельбицкий аэродром. Корову у нас сразу забрали. Мы к тому моменту уже жили в землянках у Шелони напротив своей деревни. В начале оккупации погиб мой папа. Мы его нашли на берегу, все тело было исколото финскими ножами-штыками, а голова отсечена от тела. В этот же день фашисты закололи ножами и солдата-поляка, раненного во время отступления наших частей. Мы его выхаживали в одной из землянок. Местные старушки отпаивали поляка настоями из трав, раны обрабатывали раствором марганцовки. Помню, как свежесваренный чай ему носила. Но только он пошел на поправку — его и убили. Похоронили солдата рядом с папой на берегу, могилы и до сих пор там, порядком на них поддерживается.

В день похорон произошло событие, повлиявшее на дальнейшую судьбу Марии Николаевы. В один из деревенских домов попал снаряд (стреляли отступающие русские артиллеристы), взрывом жилое строение было уничтожено, погибла молодая женщина. А муж погибшей впоследствии женился на героине данного повествования.

Еще один эпизод, о котором нельзя не рассказать, связан с 12-ю военнопленными, строившими баню для немцев около аэродрома в 1942 году. Мария Ивановна во время нашей беседы отметила, что баню построили тогда «городскую». Что это значит, моя собеседница объяснить не смогла, а присутствовавшая при нашем разговоре глава Дубровско-

го поселения Светлана Устинская пояснила: городская — значит, топящаяся «по-белому».

Марию, как и других деревенских женщин, захватчики заставляли работать. Она поначалу выполняла работы на кухне, в том числе чистила овощи. Часто под слоем шелухи в кастрюльке носила военнопленным отварную картошку. Один из них потом как-то ей признался, что она спасла им всем жизнь.

— У немцев работал повар из числа пленных, его звали Юзеф, — вспоминает бабушка Мария, — я часто его просила: «Свари супа побольше». Он думал, что я для себя прошу, говорил, что я объежусь. А я по поварёшечке каждому пленному носила, да и хлеба удавалось у повара для них добыть. Позже всем пленным удалось «под шумок» (когда охрана отвлеклась) уйти в лес, к партизанам.

Еще до революции на всю округу славилась местная Мордвинова мельница, стоявшая на берегу Шелони рядом с деревней Поляны. Название свое она получила по фамилии (или национальности) владельца. Мария Ивановна говорит, что построил мельницу барин, которого называли в народе «мордвин». В довоенные годы мельником здесь работал Владимир Соловьев, зерно привозили не только из близлежащих деревень, но даже из-за Солецов. Часто сопровождающим подводы людям приходилось ночевать око-

На территории области реализуется программа «Патриотическое воспитание населения Новгородской области на 2011–2015 годы»

ло мельницы, так много было желающих получить муку из зерна. Мельница была деревянной, как и просторный жилой дом, расположенный рядом с ней.

— Как-то зимой 1942–1943 года, — продолжает моя собеседница, — к мельнице прибыли 14 партизанских подвод с зерном. Мы, местные девчонки, пошли помогать мельничихе Марии Андреевне, носили мешки с зерном, молотили муку вместе с ней. Все это происходило под самым носом у

Бабушка Мария — свидетель «кованого сапога» фашистов

немцев. Работали до глубокой ночи, затем подводы благополучно ушли в сторону территории, где располагалась 5-я партизанская бригада. Меня тогда тетя Маня оставила ночевать, сказала: «Куда ты пойдешь ночью в такой мороз?».

Когда мы беседовали о лишениях и голоде во время оккупации, пенсионерка вспомнила один печальный для ее семьи случай. Скромные запасы муки, спрятанные перед приходом захватчиков матерью Марии в яме и присыпанные землей, каким-то непостижимым образом были испорчены немецким танком.

После взрыва солецкого моста один из танков врага не успел переправиться в город и двигался в сторону деревни Петровщина. Как он въехал в продуктовую яму около Кутузова Лютца, перемешав муку с землей, Мария Ивановна до сих пор не может понять.

— Немцы нам за работу 3 раза в месяц давали продукты, — дальше рассказала она, — крупы, мед, масло. Кроме этого — какие-то немецкие деньги. А трудиться приходилось и на земляных работах, и на благоустройстве рельбицкого аэродрома. Там стояли немецкие самолеты, они часто куда-то улетали, затем возвращались. Для защиты от воздушных налетов на аэродроме были установлены зенитки. 7 Ноября, 1 Мая наши самолеты прилетали его бомбить. Но каждый раз — неудачно, то в реку бомбы сбросят, то в прибрежный ивняк. Я, разочарованная, кричала во время этих авианалетов, обращаясь к советским летчикам: «Вы же опытные военные, знаете местность, почему же вам не попасть точно в цель?»

О Победе Мария Ивановна и ее семья узнали от работника сельсовета. В последующие годы ей пришлось тяжело трудиться на колхозных полях.

— Я и жала, и боронила, и пахала, — вздыхает она, — от серпа у меня со временем на руке не проходящая твердая мозоль образовалась. Все делали вручную, ни одной лошади в колхозе не было. Председателем у нас работала женщина, она нам часто говорила: «Девочки, давайте еще немного поднажмем, ведь глазки

боятся, а ручки делают». И скоро колхоз наш стал образцовым, богатым, прямо «как Украина», из области часто приезжали руководители во время сбора урожая. Колосья были знаете какие большие! Не зря мы с утра до вечера работали. В то время по 3 килограмма хлеба давали нам на трудодне, это было редкостью.

В 1962 году Мария Ивановна вместе с мужем Андреем Александровичем перебрались в Рельбицы, где построили небольшой домик, в котором хозяйка живет до сих пор. Воспитали они двух детей, Татьяну и Бориса, к сожалению, два года назад сын бабушки Маши ушел из жизни. А ее муж — гораздо раньше.

Портрет ее супруга долгое время находился на колхозной Доске Почета, но она не отставала от трудовых успехов мужа. Работала телятницей, на ферме приобрела сухие, твердые мозоли. Солецкий врач Константин Баранов говорил не раз, что их нужно удалить хирургическим путем, но она избавилась от них с помощью мази.

Мария Ивановна сейчас практически не выходит на улицу — болят ноги, да и по дому передвигается с трудом. «Всю жизнь отходила в резиновых сапогах, — грустно говорит она, — и зимой, и летом, вот теперь и мучаюсь». А образцовый порядок на небольшом огороде — дело рук дочери Татьяны, она и ремонтом занимается, и о матери заботится.

Расставаться с жительницей Рельбиц мне не хотелось, настолько она открытый, искренний человек, до сих пор живущий гордостью за свой небольшой мирок — отрезок Шелони, дом, деревни, растающие теперь травой и кустарником, могилки родных. Мне хотелось узнать что-то еще, ведь помнит Мария Ивановна начало войны и годы оккупации, словно и не прошло столько десятилетий. Пожелав ей здоровья, мы с главой поселения Светланой Устинской поблагодарили бабушку за гостеприимство и пообещали, по возможности, снова приехать и вернуться к разговору о войне, которую с честью выдержал наш народ, выдержала и простая юная девушка Маша Николаева.

Сергей ОВЧИННИКОВ
Фото автора и из домашнего архива Марии Николаевой

Тяжелые послевоенные годы — Мария Ивановна с сыном Борисом и супругом Андреем Александровичем